

Анна Шилд
Ада Огнева

ЛЮДИ
СТРОЯТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ
ЗДАНИЯ

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
БИЗНЕС

МОСКВА
ВСЕГДА
ДАЛЬШЕ

ПРОЕКТЫ
ЛЮДИ
РЕЗУЛЬТАТЫ

Сделка с
БОССОМ-ХИЩНИКОМ

18+

Ада Огнева

Сделка с боссом-хищником

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Сделка с боссом-хищником / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Инна Морозова приносит Владу Заславскому план спасения родового имения — и смотрит, как он отправляет её расчёты в шредер. Миллиардер уже купил банк, которому она должна, и предлагает собственные условия: шесть месяцев работы личным советником, круглосуточная доступность, никакой возможности исчезнуть. Взамен она сохранит «Белые Вязы». Заславский привык получать всё, чего хочет. Инна привыкла не склонять голову. Она согласна бороться за каждый пункт договора. Но как защититься от желания, которое не подчиняется ни одному из этих пунктов?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Шилд

Сделка с боссом-хищником

Сделка с боссом-хищником

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Серый октябрьский полдень размазывал по стеклянному фасаду башни «Империя» холодную, липкую морось. На высоте пятьдесят восьмого этажа Москва казалась гигантской чертежной схемой, погруженной в сырой туман: мутные ленты кольцевых магистралей, крошечные жуки автомобилей, ползущие вдоль гранитной набережной, и свинцовая, вспененная ветром гладь реки.

Инна Морозова стояла перед массивными дверями из матового дымчатого триплекса, чувствуя, как под тонкой тканью кремовой шелковой блузки против воли холодеет спина.

Ее пальцы в перчатках из тончайшей лайки судорожно сжимали кожаную темно-синюю папку. На потертом сафьяне тускло поблескивал серебряный оттиск родового герба: два скрепленных вяза под дворянской короной. Внутри лежали двенадцать аккуратно сброшюрованных листов — трехлетний план финансовой санации долга усадьбы «Белые Вязы». Месяцы бессонных ночей, перепроверенные до копейки расчеты доходов от парковых экскурсий, аренда исторических павильонов, строгий график ежеквартального гашения тела кредита и процентов по ставке восемь и две десятых годовых.

Это был ее единственный шанс спасти дом. Землю, на которой четыре поколения Морозовых рождались, любили и умирали. Землю, которую ее отец, наивный романтик Борис Морозов, заложил ради безнадёжного девелоперского стартапа, закончившегося внезапной остановкой сердца в дешевой палате кардиологии. Восемьдесят пять миллионов рублей долга. Неподъемная, удушающая цифра, повисшая петлей на тонкой шее последней представительницы рода.

В приемной царил неестественная, звонкая тишина.

На белоснежном секретарском столе темнел прямоугольник снятого монитора. Инна поискала кнопку вызова, провела пальцем по краю столешницы и отдернула руку: ждать помощи здесь было неоткуда. Лишь в углу тихо шелестела скрытая решетка климат-контроля, выдувая в пространство сухой, пахнувший озоном и полированным камнем воздух.

Инна глубоко вздохнула, расправляя плечи. Дворянская выправка — единственное, что у нее осталось после описи родового имущества судебными приставами. Строгий шерстяной костюм графитового оттенка, безупречно прямая спина, волна темно-шоколадных волос, перехваченная на затылке строгой серебряной заколкой. На лацкане пиджака тускло мерцала старинная фамильная брошь из черненого серебра с кабошоном из темного, почти черного уральского граната.

Она толкнула тяжелую створку. Стекло бесшумно ушло в паз.

— Господин Селезнев? — произнесла Инна чистым, грудным контральто, стараясь, чтобы ни одна нота не выдала той ледяной дрожи, что стягивала солнечное сплетение. — Прошу прощения за вторжение без предварительного звонка с ресепшен. На пятьдесят восьмом этаже никого нет. Я — Инна Морозова. Привезла согласованный график реструктуризации обязательств по закладной «Белых Вязов»...

Голос угас сам собой.

В гигантском угловом кабинете, облицованном черным габбро-диабазом, не было шестидесятилетнего банкира Аркадия Селезнева — тучного, сутулого приятеля ее покойного отца, пахнущего валидолом и мятным табаком.

У панорамного окна во всю десятиметровую стену стоял другой мужчина.

Он стоял спиной к двери, заложив руки в карманы безупречно сидящих темно-синих брюк, и разглядывал проплывающие за стеклом низкие грозовые облака. Широкие, литые плечи, не знающие сутулости; мощная трапеция шеи; сорочка из тончайшего египетского хлопка глубокого полуночного цвета с расстегнутым воротом и закатанными до предплечий рукавами, обнажающими рельефные, перевитые венами предплечья бойца. На жилете из матовой шерсти поблескивала платиновая цепочка, а на левом запястье холодно сверкал массивный хронограф Vacheron Constantin в корпусе из белого золота.

От него исходила густая, тяжелая волна первобытной самцовой силы. Воздух в кабинете был пропитан запахом горького виргинского табака, сандала, выдержанного скотча и абсолютной, сокрушающей власти, перед которой любые аргументы казались детским лепетом.

Влад Заславский.

Основатель и единоличный владелец девелоперского монстра «Заславский Групп». Хищник высшей категории, чье имя заставляло бледнеть министров и трепетать конкурентов. Человек, о жестокости и цинизме которого в деловой Москве слагали легенды.

Мужчина медленно, не вынимая рук из карманов, повернулся к ней лицом.

Инна невольно затаила дыхание. Фотографии в глянцевых журналах врал: они сглаживали ту пугающую, звериную остроту, которой дышало каждое движение Заславского. Ему было едва за тридцать два. Тяжелый, скульптурный подбородок с упрямой ямочкой, хищные скулы, двухдневная темная щетина, подчеркивающая четкую линию жестких губ. И глаза. Ледяные, пронзительно-серые, цвета штормового балтийского гранита. Они не просто смотрели — они взламывали ее защиту, просвечивая насквозь.

Взгляд Заславского лениво скользнул по ее фигуре. От носков начищенных кожаных лодочек, вверх по стройным ногам в строгих брюках, задержался на узкой талии, скользнул по округлости груди под шелком и остановился на губах Инны. В серых глазах вспыхнул опасный, насмешливый огонек.

— Селезнев уволен, Морозова, — произнес он низким, раскатистым баритоном с хрипотцой.

— Уволен? — переспросила она, усилием воли удерживая подбородок на прежней высоте. — Но правление банка...

— С девяти утра проблемный портфель банка «Траст-Инвест» принадлежит мне, — Влад сделал три неторопливых, пружинящих шага вперед. Подошвы его оксфордов John Lobb ступали по полированному граниту пола совершенно бесшумно. — Договор продажи закрыт моей структурой. Твоя заложенная рухлядь теперь тоже в моем портфеле.

Инна почувствовала, как земля под ногами начинает опасно крениться. Заславский. Девелопер, скупающий исторические кварталы под элитные высотки и клубы.

— В таком случае, господин Заславский, предмет нашего разговора остается прежним, — Инна заставила себя сделать шаг навстречу чудовищному монолиту его стола из черного гранита. — Юридически смена держателя закладной не отменяет права заемщика на мирное урегулирование. Вот финансовый план. Мы готовы платить восемь и две десятых процента годовых, предоставив в качестве дополнительного залога северную рощу имения. Земля оценена независимым экспертом...

Она выложила синюю сафьяновую папку на гладкую темную поверхность столешницы.

Заславский подошел вплотную к столу. Его мощная фигура нависла над ней. Не глядя в расчеты, он двумя пальцами подцепил край папки. Поднял ее на уровень глаз, а затем лениво перевел взгляд на Инну.

— Ты опоздала, Инна Борисовна. Ровно на два часа.

— Срок подачи предложений по мировому соглашению истекает сегодня в восемнадцать ноль-ноль! У нас есть еще четыре часа!

— В моем графике время течет иначе, — Заславский повернулся к консоли, где мерцал синим светодиодом напольный шредер в тяжелом титановом корпусе. — Твой отец был романтическим идиотом, Морозова. Он заложил усадьбу под лопнувший стартап. Земля в пойме реки, сорок гектаров векового леса, прямой выход к частной воде. Это сорок гектаров золота. Идеальное пятно под закрытый клубный поселок высшей категории.

Он небрежно поднес синюю сафьяновую папку к широкой щели уничтожителя бумаг.

— Что вы делаете?! — крик сорвался с губ Инны.

Она рванулась вперед, но не успела. Заславский разжал пальцы. Папка с гербом Морозовых скользнула в жерло машины.

Стальные ножи шредера взвыли с глухим рокотом. Закаленная фреза с легкостью прокусила сафьяновую кожу, картон и плотные страницы гербовой бумаги. Из щели показалась полоска знакомой таблицы — доходы от экскурсий, которые она считала до рассвета. Инна потянулась к ней; ножи втянули и этот клочок. В прозрачном контейнере оседала стружка.

Инну затрясло. В висках застучали молоты. Она сжала кулаки так, что короткие ногти пробили тонкую кожу перчаток, впиваясь в ладони.

— Вы варвар, Заславский! — выдохнула она, глядя прямо в его насмешливые серые зрачки. — Бездушный варвар, дорвавшийся до чужих миллиардов! Вы ведете себя как средневековый опричник! У вас нет никакого права уничтожать финансовые документы до официального отказа кредитного комитета! Я обращусь в арбитраж, я предам огласке ваш рейдерский произвол...

Влад не повысил голоса ни на полтона. Но воздух вокруг него словно заledenел.

В два бесшумных шага он обогнул угол стола и оказался прямо перед ней. Он опустил широкие тяжелые ладони на край столешницы по обе стороны от ее бедер, фактически заперев девушку в тисках между полированным камнем и собственной каменной грудью.

Она оказалась в плену.

От него пахло горячим телом, острым перцем, горьким табаком и опасностью. Инне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретить его взгляд. Расстояние между их лицами сократилось до двадцати сантиметров.

— Право здесь определяю я, Морозова, — пророкотал он, и вибрация его голоса отозвалась дрожью у нее в костях. — Арбитраж? Три часа назад юристы закрыли сессию, и уведомление уже ушло в суд. Ты пришла в мой дом качать права нищей дворянки? Пока ты будешь оспаривать сессию, мои подрядчики успеют выйти на площадку.

Он наклонился еще ближе. Его дыхание обожгло ее губы.

— С этого момента долг усадьбы «Белые Вязы» составляет не восемьдесят пять миллионов. С учетом штрафных санкций и пеней за просрочку — ровно сто двенадцать миллионов четыреста тысяч рублей.

Инна почувствовала, как кровь отливает от ее лица. Губы пересохли.

— Сто двенадцать?.. Это грабеж. Вы начисляете драконовские штрафы задним числом...

— Это бизнес, детка, — усмехнулся он. — А теперь слушай условия. У тебя два варианта. Первый: до захода сегодняшнего солнца сто двенадцать миллионов падают на мой расчетный счет. Можешь попросить у своих светских подружек, заложить фамильные бриллианты или продать себя в элитном эскорте — мне плевать.

— Я никогда... — задохнулась она от унижения.

— Второй вариант, — безжалостно перебил он, наклоняясь так низко, что его щетина едва не оцарапала ее щеку. — Завтра ровно в девять ноль-ноль на территорию твоих «Белых Вязов» заходят три тяжелых экскаватора с гидромолотами. Они сносят к чертовой матери старый флигель, распахивают клумбы и пускают вековые вязы твоего прадеда на дрова. К полудню от твоего родового гнезда останется ровная строительная площадка под фундамент моего нового СПА-комплекса.

Он оторвал руки от стола и выпрямился во весь свой пугающий рост, глядя на нее сверху вниз с ледяным превосходством.

— Часы пошли, Инна Борисовна. Дверь за спиной. Выметайся.

Глава 2

Земля уходила из-под ног, но спина Инны оставалась прямой. Инна перенесла вес на пятки, удерживая дрожащие колени. Всхлип застрял в горле; она проглотила его вместе с горькой слюной и дождалась, пока Заславский снова посмотрит ей в лицо.

— Вы подавитесь этой землей, Заславский. — Инна произнесла его фамилию так, что улыбка на его губах застыла. — И каждым рублем, который вы надеетесь на ней заработать.

Влад лишь криво усмехнулся, медленно засунув руку в карман жилета.

Инна развернулась на каблуках. Стук ее лодочек по черному граниту пола прозвучал как сухая автоматная очередь. Она шла через гигантский кабинет, не ускоряя шага, хотя внутри все кричало: беги! Беги из этого склепа из черного камня и стекла, где человеческие судьбы перемалывают с той же легкостью, что и гербовую бумагу.

Тяжелая створка из триплекса распахнулась перед ней, впуская в пустую приемную.

Только оказавшись в холле, Инна позволила себе сорваться на быстрый, почти панический шаг. Сердце колотилось в горле, в висках пульсировала одна мысль: «Сто двенадцать миллионов. Завтра в девять утра. Вязы пустят на дрова... Что делать?..»

В конце лифтового холла тускло мерцала панель приватного скоростного лифта для высшего руководства. Инна подлетела к полированной латунной колонне и с силой вдавила кнопку со стрелкой «вниз».

Раздался мягкий мелодичный перезвон. Скрытые механизмы бесшумно развели широкие матовые створки с дымчатым напылением. Инна влетела внутрь кабины, точно раненая птица в укрытие. Пространство лифта — два на два метра — было облицовано темными зеркалами и полированным алюминием. Она лихорадочно ткнула пальцем в нижнюю кнопку панели — уровень «-3», приватный подземный паркинг, откуда можно было выскочить на набережную, поймать такси и скрыться.

Створки начали медленно сходиться. Сантиметр. Двадцать сантиметров. Тридцать.

Инна прижалась спиной к зеркальной стене, прерывисто хватая ртом холодный воздух. Еще секунда...

Внезапно в сужающийся зазор между створками с глухим металлическим ударом врубилась широкая мужская ладонь. Пальцы намертво перехватили край двери. Сработал датчик препятствия, створки отпрянули назад.

В кабину шагнул Влад Заславский.

Двери за его спиной сомкнулись мгновенно, издав тяжелый щелчок магнитного фиксатора.

Инна отшатнулась в самый угол, инстинктивно вскинув руки к груди. Ее лопатки больно ударились о зеркальную панель.

— Что вам нужно?! — выдохнула она, чувствуя, как паника ледяными тисками сжимает горло. — Отойдите от меня! Разговор окончен! Я немедленно еду в прокуратуру, я зафиксирую вымогательство...

Заславский не удостоил ее тираду ответом. На его губах играла хищная полуулыбка, от которой мороз продирает по коже. Не глядя на нее, он достал из кармана жилета тяжелый плоский прямоугольник из черной матовой керамики с золотым гербом холдинга — персональный мастер-чип доступа.

С коротким щелчком он приложил чип к сенсорному дисплею панели управления. Раздался двойной низкий звуковой сигнал.

Где-то в глубокой шахте под ними протяжно взвыли электромагнитные тормоза. Кабина, летевшая вниз со скоростью восемь метров в секунду, резко замедлилась и замерла намертво. Высота — около двухсот метров. Шахта между сорок пятым и сорок четвертым этажами. Пустота сверху, бездна внизу.

Яркие потолочные споты внезапно погасли. Кабина погрузилась в интимный янтарный полумрак: включилась аварийная диодная лента вдоль плинтусов и поручней. Мягкий золотистый свет очертил резкие контуры предметов, превратив зеркальные стены в бесконечный мерцающий лабиринт теней.

В этом полумраке Заславский казался еще выше, еще опаснее.

Он спрятал чип и медленно, с тягучей грацией зверя, сделал шаг в ее сторону. Пространство кабины мгновенно схлопнулось. Воздуха не осталось вовсе — только его тяжелый, пьянящий запах: горьковатый сандал, терпкий лист табака и жар мужской кожи.

— Прокуратура, Морозова? — произнес он, и низкий тембр его голоса заставил задрожать стеклянные панели вокруг. — Прокурор города вчера в полночь сидел у меня на террасе и пил мой двадцатипятилетний «Макаллан». Ты всерьез думаешь, что твои бумажки спасут твой курятник от сноса?

— Не подходите ко мне! — крикнула она.

Когда его широкая грудь оказалась в десятке сантиметров от ее лица, Инна выбросила вперед правую руку. Ее раскрытая ладонь с размаху уперлась ему в грудь, прямо под расстегнутым воротом жилета.

Она хотела оттолкнуть его, но с тем же успехом могла пытаться сдвинуть с места гранитную колонну небоскреба. Под тонким хлопком его сорочки перекачивались тугие пласты мышц. Но страшнее всего было другое: прямо под ладонью Инна почувствовала бешеное, мощное биение его сердца.

Тук. Тук. Тук.

Тяжелый пульс хищника, выслеживающего добычу. Волна звериного жара пробила тонкую кожу перчатки, ударила в ладонь, обожгла нервные окончания и огненной стрелой пронеслась по руке, взорвавшись мурашками у основания шеи. Инна замерла, не в силах оторвать пальцы от его груди, глядя снизу вверх в его потемневшие зрачки.

— Опusti руку, девочка, — тихо предупредил он.

— Убереите... руки... — ее шепот сорвался на прерывистый вдох.

Заславский не убрал ее ладонь. Напротив: он поднял свою широкую тяжелую руку и накрыл кисть Инны сверху. Его пальцы — горячие, шершавые от старых мозолей — сжали ее пальчики, еще плотнее вжимая ее раскрытую ладонь в свою грудь. Он заставил ее почувствовать каждый удар своего сердца.

— Ты чувствуешь? — хрипло спросил он, глядя ей прямо в губы. — Я жив, Морозова. В отличие от твоих мертвых предков. Я беру от жизни все, что захочу.

Прежде чем она успела осознать смысл слов, его вторая рука скользнула вперед. Тяжелая ладонь легла Инне на талию. Пальцы Заславского сомкнулись на ее боку с сокрушающей силой, сжимая ткань жакета.

Одним властным движением он дернул ее на себя.

Инна ахнула, ударившись грудью о его грудь. Ее бедра оказались вжаты в его сильные бедра, ее тонкий стан буквально растворился в его объятиях. Она почувствовала монолитную твердость его тела, жар дыхания и то, как от одного этого соприкосновения подкосились колени. Если бы не его рука на пояснице, державшая ее мертвой хваткой, она бы просто сползла по стеклу вниз.

— Пусти... — взмолилась она.

— Не пусти, — шепнул он.

Заславский склонил голову. Его лицо оказалось в миллиметре от ее шеи. Инна зажмурилась, чувствуя, как его горячее дыхание овеивает нежную полоску кожи над воротником блузки — прямо там, где испуганной птицей билась сонная артерия.

Его губы едва ощутимо коснулись ее пульса. Не поцелуй — клеймо. Прикосновение было почти невесомым, но Инну словно прошило разрядом в тысячу вольт. Соски под бельем затвердели от острого спазма возбуждения и ужаса.

— Твой отец был ничтожеством, Инна, — шептал он у самого уха. — Но ты... Золотая медаль МГИМО. Международный протокол и дипломатическая безопасность. Год стажировки в Женеве при комитете по урегулированию споров. Ты читаешь микромимику людей за три секунды. Ты видишь ложь раньше, чем человек успевает раскрыть рот.

Инна попыталась отвернуться, но его хватка лишь усилилась, прижимая ее к нему еще плотнее.

— Зачем вам это?.. — выдохнула она в его шею. — У вас сотни аналитиков...

— Мои аналитики — трусливые клерки, — жестко отрезал Влад. — А у меня на носу слияние века. Пул с азиатскими драконами и банковским домом Валевских. Там крутятся три миллиарда долларов. Партнеры придут сожрать меня живьем, улыбаясь по всем правилам этикета. Мне нужен человек по правую руку. Человек с безупречной дворянской выправкой, знающий протокол. Человек, который по движению зрачка оппонента поймет, где блеф, а где капкан.

Он поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз. В его серых глазах полыхало голодное пламя.

— Мне нужна ты, Морозова. Твой мозг. Твоя выдержка. Твоя порода. И твоя сводящая с ума дерзость.

— Я никогда не стану работать на вас, — прошептала она с ненавистью. — Вы разрушили жизнь моего отца...

— Твой отец разрушил себя сам! — рявкнул он. — Ты подпишешь контракт личного советника. На моих условиях.

— Каких условиях?..

— Протокол двадцать четыре на семь, — отчеканил Заславский. — Ты находишься в моем полном личном распоряжении шесть месяцев. Живешь там, где живу я. Ешь то, что ем я. Сопровождаешь меня на всех раундах, закрытых приемах и перелетах. Никаких отлучек, никаких личных контактов без моей службы безопасности. Взамен — я замораживаю взыскание долга, выплачиваю тебе представительский оклад и через полгода передаю закладную на «Белые Вязы» в твою полную собственность. Чистую, без единого рубля обременения.

У Инны перехватило дыхание. Шесть месяцев рабства. В его власти.

— А если я откажусь? — ее голос дрожал.

Влад медленно разжал пальцы на ее талии, выпуская ее из захвата. Инна едва удержалась на ногах, качнувшись назад и упершись лопатками в зеркало. Заславский достал мастер-чип.

— Если через десять минут на контракте не будет твоей подписи, экскаваторы зайдут в усадьбу раньше рассвета. Лично прослежу, чтобы первый ковш снес спальню твоих родителей.

Он прижал чип к сенсору. Лифт вздрогнул, свет вспыхнул, и кабина с нарастающим гулом понеслась вниз — к уровню подземного бункера.

Глава 3

Кабина лифта выдохнула их в стерильную тишину третьего подземного яруса.

Уровень «-3» предназначался исключительно для высшего руководства холдинга. Монолитные своды, полированный темно-антрацитовый пол, в котором длинными лезвиями отражались неоновые полосы, и прохладный воздух с запахом автомобильного лака, резины и сырого бетона.

У выхода из тамбура замер исполинский силуэт — Артур, начальник службы безопасности Заславского, бывший спецназовец. В темно-сером шерстяном пиджаке, скрывавшем кобуру под мышкой, он молча шагнул вперед и потянул за массивную ручку задней двери черного бронированного седана Mercedes-Maybach S680. Толстая дверь с пуленепробиваемым триплексом открылась с бархатным шелестом сервоприводов.

— Садись, Морозова, — бросил Заславский.

Его тон не допускал возражений. Инна оглянулась: длинный туннель выезда был наглухо перекрыт стальными боллардами и решеткой. Бункер был запечатан. Бежать было некуда.

Она стиснула зубы, подобрала полы жакета и села в салон.

Внутри царил глубокая вакуумная тишина. Кожа Exclusive Nappa винного оттенка, прохлада климат-контроля и глянцевые панели из черного рояльного лака. Дверь захлопнулась с тяжелым сейфовым щелчком, отрезав звуки внешнего мира.

В следующую секунду рядом сел Влад. Салон огромного лимузина мгновенно показался тесным. Заславский занял собой все пространство. Его длинные ноги почти касались бедра Инны; сандал, табак и тяжелый мужской напор заполнили салон быстрее, чем работали дефлекторы.

Влад нажал сенсорную клавишу на центральной консоли. Из перегородки с мягким жужжанием выехал столик из авиационного алюминия. На нем лежала увесистая папка из черной сафьяновой кожи, перевязанная алым шелковым шнуром.

— Читай, — Заславский откинулся на подголовник, скрестив пальцы на колене. Серые штормовые глаза следили за каждым микродвижением ее лица. — Мои юристы составили его три часа назад. Все пункты согласованы лично со мной. Никаких правок.

Инна сняла перчатки из лайки. Дрожащими пальцами стянула шнур и раскрыла папку.

Двенадцать страниц плотной гербовой бумаги с водяными знаками холдинга «Заславский Групп». Ее профессиональный взгляд эксперта по международному протоколу вцепился в формулировки.

«Статья 2.1. Холдинг берет на себя обязательства по реструктуризации долговых обязательств усадьбы „Белые Вязы“ в размере 112 400 000 рублей, объявляя полный безотзывный мораторий на отчуждение земли и объектов исторической недвижимости сроком на 6 календарных месяцев... При надлежащем исполнении обязанностей права требования передаются Инне Борисовне Морозовой безвозмездно с полным погашением записи об обременении».

Инна перевела дыхание. Значит, не блефовал: усадьба оставалась неприкосновенной. Но стоило глазам скользнуть ниже, как кровь бросилась ей в виски оглушительным звоном.

«Статья 4.3. Советник обязуется находиться в режиме непрерывной круглосуточной готовности (протокол 24/7) и обеспечивать личное сопровождение Генерального директора во всех рабочих, протокольных, выездных и неформальных мероприятиях...»

«Статья 4.7. Советник на весь период действия контракта проживает по адресу фактического пребывания Генерального директора. Самостоятельное покидание локаций без согласования с Начальником службы безопасности категорически воспрещается...»

«Статья 5.2. Советник обязуется передать Службе безопасности средства связи для установки закрытого корпоративного шлюза шифрования...»

Инна с силой захлопнула папку. Кожаный переплет глухо ударил о столик.

— Это безумие! — ее голос сорвался, в янтарных глазах полыхнула ярость. — Вы составили не трудовой договор, Заславский! Это кабальная грамота! «Проживание по адресу работодателя»? «Запрет на перемещение»? «Сдача средств связи»?! Вы покупаете меня как наложницу! Как собачку на золотом поводке!

Влад даже бровью не повел. С невозмутимым спокойствием он потянулся к бару, достал хрустальный графин с ледяной водой и наполнил рокс. Сделал медленный глоток и перевел на нее тяжелый, просвечивающий насквозь взгляд.

— Собачки не стоят сто двенадцать миллионов, Морозова. И наложницы тоже. Для постели у меня есть десятки светских львиц, мечтающих оказаться на твоём месте. Они обходятся дешевле и не выносят мне мозг родословной.

— Тогда зачем вам я?!

— Я предельно ясно объяснил в лифте. Мне нужен твой статус. Аналитический ум. Дворянский апломб. На переговорах с китайцами и кланом Валевских ты будешь сидеть рядом со мной. Будешь моим сканером чужой лжи, правой рукой и щитом от их подковерного яда. А чтобы конкуренты вроде Воронова не вздумали перекупить тебя за спиной — ты будешь на виду каждую секунду. В моей резиденции. Под моим личным надзором.

— А если я откажусь? — Инна вызывающе вздернула подбородок. — Если прямо сейчас выйду на набережную и найду других инвесторов? Земля «Белых Вязов» стоит вдвое больше! Заславский криво усмехнулся. В его глазах мелькнула хищная жалость.

— Других инвесторов? Рискни, княжна.

Он достал титановый смартфон и активировал громкую связь. Из динамиков Burmester донесся треск соединения и глухой мужской бас на фоне оглушительного рева тяжелых дизелей:

— Влад Николаевич, на проводе.

— Степан, где вы сейчас находитесь? — негромко спросил Заславский.

— Одинцовский район, развилка на «Белые Вязы», — бодро доложил прораб. — Три траля с гидромолотами Komatsu и два бульдозера стоят перед воротами. Вальщики с бензопилами ждут отмашки. Если дадите команду сейчас — к полуночи всю правую сторону парка раскатаем в щебень.

Воздух застрял у Инны в горле. Перед глазами с беспощадной четкостью вспыхнули двухсотлетние вязы прадеда, резной балкон, портреты матери... и тяжелые стальные гусеницы, перемалывающие семейную память в грязь.

— Нет... — сорвалось с побелевших губ. — Не надо... Умоляю...

Влад поднял палец, призывая к тишине:

— Ждите, Степан. Включаю таймер на десять минут. Без моего звонка ворота не трогать.

— Понял, шеф. Ждем отмашки.

Связь оборвалась. В салоне повисла удушливая тишина. Заславский извлек из внутреннего кармана массивный футляр. В его руках блеснула тяжелая перьевая ручка Montblanc из смолы и золота с гравировкой «ВЗ». Он положил ее на раскрытую последнюю страницу договора, точно напротив пометки «Сторона-2: Советник».

— Подписывай, Инна. Или я прямо сейчас перезваниваю Степану.

Пальцы Инны дрожали так сильно, что перо с жалобным звоном ударилось о край столика. Сердце колотилось в ребра. Она заставила себя глубоко вдохнуть. Это не поражение — это перемирие. Она спасет дом. А война только начинается.

Прижав золотое перо к плотной бумаге, она твердой рукой вывела ровные буквы:

Инна Борисовна Морозова.

Чернила мгновенно впитались в шероховатую поверхность листа.

Заславский забрал договор, оглядел подпись и удовлетворенно усмехнулся. Он захлопнул папку, убрал ручку и достал из кармана узкую бархатную коробочку.

Подпружиненная крышка откинулась с легким щелчком. Внутри покоился узкий массивный браслет из цельной матовой платины. Строгая минималистичная геометрия, скрытый замок с магнитным сенсором и гравировка номера: ZG-001.

— Дай руку, — приказал он.

Инна испуганно отпрянула:

— Что это еще такое?!

— Твой персональный ключ доступа и датчик геолокации.

Влад молниеносно перехватил ее правое запястье. Железная хватка не причинила боли, но намертво зафиксировала кисть. Его пальцы обжигали кожу сухим жаром. Он приложил холодный металл к коже, свел створки — и внутри раздался сухой щелчок. Браслет сомкнулся намертво. Металл сел с ювелирной точностью: снять его через кисть было невозможно.

— В этот браслет вшит биометрический чип, — произнес Заславский, поглаживая большим пальцем чувствительную кожу на внутреннем сгибе ее запястья. — Он открывает лифт в пентхаус, парадные двери и шлет координаты Артуру в реальном времени. Вздумаешь распи-
лить или сбежать — тревога поступит мгновенно.

Он разжал пальцы. Инна судорожно прижала руку к груди. Платина жгла кожу леденя-
щим холодом.

— Золотой ошейник, — процедила она с отвращением.

— Платиновый, Морозова, — с усмешкой поправил Влад, постучав по стеклу перего-
родки. — Я никогда не экономлю на ценных активах. Артур, вверх. В резиденцию.

Мотор отозвался едва слышной вибрацией. Седан выкатился из бункера, обогнул башню
и остановился у отдельного въезда в жилое крыло.

Глава 4

Лифт взлетал к жилому крылу башни «Империя» с головокружительной скоростью. Цифры на сенсорном табло мелькали смазанным калейдоскопом: 40... 50... 55... 58.

Створки распахнулись прямо в гигантский холл двухуровневого пентхауса. Инна шагнула вперед и невольно замерла, сжав пальцы на ремешке сумочки.

Пространство подавляло масштабом. Десятиметровые потолки, парящая лестница из закаленного черного стекла и титана, стены из необработанного темного сланца и огромный открытый камин, в котором бесшумно танцевали сине-оранжевые языки пламени на биоэтаноле.

Вся наружная стена пентхауса представляла собой сплошной панорамный триплекс. На высоте двухсот метров над землей открывалась жуткая бездна: вечерняя Москва тонула в пологах яростного осеннего ливня, расчерченная миллионами золотых и рубиновых огней проспектов. От головокружительной высоты к горлу Инны подкатила волна тошноты.

Сзади бесшумно вошел Артур. В его руках был ее скромный портфель и дорожная сумка, изъятая охраной из ее кабинета в агентстве протокола. Начальник охраны молча опустил вещи на мраморную консоль и замер у дверей.

Заславский сбросил пиджак на спинку кожаного дивана Baxter, отстегнул цепочку жилета, расстегнул верхние пуговицы сорочки, обнажая мощную шею с полоской бронзовой щетины, и направился к барной стойке из белого каррарского мрамора.

Инна воспользовалась моментом. Пока Влад наливал янтарный скотч, она отступила в тень гранитной колонны, торопливо нащупав в кармане свой старенький смартфон.

Глафира Сергеевна. Ей нужно было срочно услышать голос пожилой экономки, вырастившей ее после смерти матери. Предупредить, что техника у ворот не тронет вязы, что долг заморожен... и что сама Инна сегодня домой не вернется. И завтра тоже.

Она лихорадочно набрала контакт «Дом. Усадьба» и нажала вызов.

Инна прижала трубку к уху. Но вместо гудков в динамике раздался резкий скрежет белого шума. На дисплее полоски приема сотовой связи стремительно растаяли, сменившись надписью: *«Сеть заблокирована. Радиомодуль отключен»*.

Она испуганно оглянулась. У входных дверей стоял Артур с открытым кейсом из черного пластика. На панели прибора тускло горел красный диод активного подавителя радиочастот. Начальник охраны смотрел на нее без тени эмоций.

— Не трать заряд батареи, Морозова, — раздался за спиной низкий рокошующий голос.

Инна вздрогнула и резко развернулась, прижавшись лопатками к сланцевой колонне. Заславский стоял в двух шагах, держа бокал с виски. В его глазах не было ни капли алкогольного тумана — лишь ледяная трезвость хищника, загнавшего добычу в угол.

— Телефон сюда. — Он протянул ладонь; Инна увидела, что он приготовился ждать ее покорности.

Инна мгновенно завела руку со смартфоном за спину, до боли вжимаясь в камень.

— Нет! — ее голос зазвенел от отчаяния и ярости. — Это моя личная вещь! Там контакты кардиологов отца, личные архивы, фотографии мамы! Вы не имеете права забирать мой телефон! Вы подписали контракт об экспертных услугах, а не о тюремном заключении!

Влад поставил стакан на гранитную полку. Звук удара толстого стекла о камень прозвучал как выстрел.

Затем он шагнул к ней. Инна попыталась метнуться вправо, но Заславский срезал угол с пугающей реакцией бойца. Его мощный корпус намертво прижал ее к колонне. Он уперся левой рукой в каменную кладку над ее плечом, заслонив собой свет камина и огни ночного города.

— Я предупреждал тебя в машине, — его голос понизился до вибрирующего полусшепота. — Твои контакты с внешним миром отныне идут исключительно через мой секретариат.

Его правая рука скользнула за ее спину. Пальцы Влада нащупали ее тонкое запястье. Инна вскрикнула, судорожно вцепившись в пластиковый корпус телефона, но Заславский легко, методично, палец за пальцем, разжал ее ладонь.

Телефон выскользнул в его широкую руку. Влад подцепил ногтем лоток для сим-карты и выдернул его наружу. Маленький золотистый чип упал ему на ладонь. Заславский положил сим-карту на ребро большого пальца и с коротким сухим хрустом переломил ее пополам.

Обломки пластика полетели вниз, со звоном ударившись об оникс прямо у носков ее туфель. Следом за ними Влад небрежным движением швырнул сам смартфон в хромированную урну для мусора.

Инна задохнулась от унижения. Горло перехватило слезами.

— Тварь... — прошептала она побелевшими губами. — Какая же ты бессердечная, расчетливая тварь...

— Глафире Сергеевне переведен первый транш на содержание имения, — ответил Влад, доставая из кармана брюк плоский терминал в матовом титановом корпусе и опуская его на столик рядом с ней. — Два миллиона рублей. Ей сообщили, что ты привлечена к закрытому правительственному проекту. Она спокойна, сыта и знает, что ты занята делом. А этот аппарат настроен на три контакта: мой прямой номер, Артур и диспетчер холдинга. Все остальные вызовы блокируются сервером.

Это стало последней каплей. Вся ее выдержка, дворянское воспитание, привычка прятать боль за безупречным этикетом — все рухнуло, сожженное дикой яростью загнанного в капкан зверя.

Инна сделала резкий шаг к гранитной полке. Ее пальцы сомкнулись на тяжелом хрустальном роксе, который Заславский оставил на камне. Бокал был массивным, из граненого хрусталя с острыми шлифованными гранями.

Она развернулась к нему, сжимая бокал обеими руками на уровне груди. Ее тело была крупная дрожь, янтарные глаза полыхали безумным огнем.

— Ты думаешь, что купил меня, Заславский?! — крикнула она, и голос эхом заметался под сводами пентхауса. — Ты думаешь, что если у тебя миллиарды и карманные судьи, ты можешь растоптать человека?! Ты купил мои рабочие часы! Но если ты посмеешь войти в мою спальню ночью... Если ты хоть пальцем коснешься меня без моего согласия — я разобью это стекло о камень и вскрою себе вены прямо на твоём гребаном ониксе! Слышишь меня?! Ты получишь труп в своей золотой башне!

Артур едва заметно дернулся вперед, но Влад вскинул ладонь, останавливая начальника охраны на месте.

Лицо Заславского изменилось. Черты лица заострились, превратившись в гранитную маску. Челюсти сжались так, что на скулах заходили тугие желваки, а серые глаза налились свинцовой яростью альфа-самца, чей авторитет посмели оспорить в его логове.

Он не стал кричать. Медленно, с неотвратимостью надвигающегося ледника, Влад подошел к ней вплотную. Инна замерла, вжав голову в плечи, судорожно сжимая хрусталь.

Он протянул руку и накрыл ее сведенные пальцы своей широкой, горячей ладонью. Он удерживал бокал вместе с ней. Инна еще мгновение сопротивлялась, потом выпустила хрусталь: угрожать себе при его свидетелях оказалось страшнее, чем выкрикнуть угрозу. Хрустальный бокал перекочевал в его правую ладонь.

Заславский посмотрел на бокал. Затем медленно перевел взгляд на Инну, глядя ей прямо в расширенные от ужаса зрачки.

— Ты пугаешь меня смертью, девочка? — негромко спросил он, и в голосе прорезался металлический скрежет. — Меня? Человека, который десять лет выгрызал свой бизнес из-под бандинских стволов, пока твой папаша читал стихи в родовом саду?

Он поднял кулак с зажатым в нем тяжелым хрустальным бокалом на уровень ее глаз.

Мышцы на его предплечье вздулись, сухожилия натянулись как тугие канаты. Вена на виске Заславского вздулась багровым жгутом.

Инна даже не успела понять, что происходит, когда раздался оглушительный треск.

КРАК!

Толстый граненый хрусталь лопнул под чудовищным давлением его пальцев. Стакан взорвался внутри его железного кулака! Снопы ослепительных искр и острых осколков брызнули во все стороны, со звоном осыпая полированный черный пол, диван и край стойки.

Инна вскрикнула и закрыла лицо руками.

Влад медленно разжал кулак. Осколки хрусталя с сухим шелестом посыпались из его ладони на темный оникс, смешиваясь с остатками сим-карты.

Инна опустила руки и посмотрела на его ладонь. Она ждала увидеть хлещущую кровь, разорванные вены — но на его широкой ладони не было ни единой капли крови. Лишь глубокие белые вмятины на огрубевшей, толстой коже бойца, покрытой старыми шрамами.

Заславский шагнул вперед, сокращая последнюю дистанцию между ними. Его грудь коснулась ее груди. Он склонился к ее лицу так близко, что его горячее дыхание обожгло ее губы.

— Запомни раз и навсегда, Морозова, — пророкотал он, и от звука его голоса по ее позвоночнику пробежала ледяная судорога. — Я никогда не беру женщин силой. Мне не нужны рабыни, рыдающие на простынях. Ты придешь в мою постель сама. На своих ногах. По доброй воле. Ты будешь умолять меня коснуться тебя, будешь царапать мою спину и шептать мое имя. И поверь мне, этот день наступит гораздо быстрее, чем ты способна себе представить.

Инна смотрела в его пылающие глаза, не в силах вымолвить ни звука. Внутри нее бушевал ураган: ненависть, ужас, оскорбленная гордость и... темная, постыдная волна запретного влечения к этому неукротимому зверю, от которого пахло силой.

Влад отстранился. Его лицо снова стало бесстрастным, деловым, непроницаемым.

Он указал рукой в сторону коридора в восточном крыле пентхауса, где виднелась тяжелая дверь из мореного венге.

— Твоя спальня там, — отчеканил он. — Там есть ванная, гардеробная и все необходимое. Завтра ровно в семь ноль-ноль Артур привезет стилистов и пакет аналитики по азиатскому инвестиционному раунду. К восьми утра ты должна быть готова к работе. А теперь — пошла вон с моих глаз. Спи, советник. Сделка началась.

Инна не стала спорить. Она выпрямила спину и с царственной неторопливостью двинулась через огромную гостиную. Ее каблуки сухо цокали по полированному ониксу, ступая прямо по хрустальным осколкам, разлетавшимся с тонким стеклянным хрустом.

Она толкнула тяжелую створку из темного венге и переступила порог. Дверь захлопнулась сама собой под тяжестью доводчика. В ту же секунду раздался отчетливый электронный щелчок: внешний биометрический замок встал на охрану.

Инна осталась одна.

Она стояла посреди огромной полутемной комнаты с кроватью королевского размера, застеленной темно-серым сатином. За панорамным окном на высоте двухсот метров бесновался ливень, хлеща в триплекс.

Инна медленно опустила взгляд на свое правое запястье.

В полумраке узкий обод из цельной матовой платины мерцал тусклым, холодным светом. Золотой ошейник хищника. Метка собственности.

Ловушка захлопнулась. Обратного пути не было.

Глава 5

Серый осенний рассвет проявлял отпечаток ее ладони на колоссальном панорамном триплексе, плавно изогнутом дугой от полированного темного пола до четырехметрового потолка. На высоте пятьдесят восьмого этажа башни «Империя» утренняя Москва казалась чертежной схемой: серые ленты эстакад, вереницы машин и иглы соседних небоскребов, тонущие верхушками в сизом смоге.

Инна Морозова сидела на краю колоссальной кровати, застеленной тяжелым графитовым шелком, и не отрывала взгляда от своего правого запястья.

На тонкой коже тускло поблескивал ободок из матовой платины. Без застежки, без видимого стыка — идеально гладкий металл с выгравированным с внутренней стороны персональным кодом и личным вензелем Заславского. Браслет весил не больше тридцати граммов, но давил на руку так, словно к ней намертво приковали чугунную кандальную цепь. Электронный пропуск, ключ от лифтов и дверей резиденции — и персональное клеймо принадлежности Заславскому.

Всю ночь она не сомкнула глаз. Лежала поверх покрывала, не решаясь коснуться подушек, и вслушивалась в гулкую тишину чужого пентхауса. За стеной пару раз раздавался тяжелый шаг хозяина, глухой хлопок двери внизу, а следом наступала стерильная пустота, нарушаемая лишь тихим шипением приточной вентиляции.

Инна оправила манжет своей старой белой хлопковой рубашки. Ткань на левом запястье была заштопана шелковой нитью — память о сессии в институте, когда отец еще был жив, а «Белые Вязы» не висели на волоске от строительных экскаваторов. Простые темно-серые шерстяные брюки со строгими стрелками, потертые лоферы на тонкой подошве. Это была ее привычная броня. Скрамная одежда эксперта, привыкшего брать верх выдержкой и знанием протоколов, а не откровенными нарядами.

Ровно в семь ноль-ноль в коридоре раздался короткий, мелодичный зуммер электронного замка.

Створка спальни скользнула в скрытый паз без единого звука. На пороге возникли двое рослых парней в строгих темных костюмах и белоснежных нитяных перчатках. Они слаженно, с вышколенной синхронностью вкатили в комнату три передвижных металлических рейла, увешанных чехлами из плотного бархата и шелка с тиснеными золотом логотипами ведущих мировых домов: Chanel, Tom Ford, Saint Laurent, Brunello Cucinelli. Следом пружинящей походкой вошла женщина с платиновыми волосами. На ее шее висела портновская лента, в руках она держала планшет в крокодиловой коже.

— Доброе утро, Инна Борисовна, — произнесла гостя с ледяной, отрепетированной улыбкой светского распорядителя. — Меня зовут Жанна. Я ведущий стилист персонального гардероба холдинга «Заславский Групп». Распоряжение господина Заславского: полное обновление вашей базовой, деловой и вечерней капсул. Ваша прежняя одежда подлежит немедленной утилизации. Прошу подойти к зеркалу для первой примерки. Начнем с дневного кашемира и базового шелка.

Один из ассистентов расстегнул длинную молнию на центральном чехле, обнажив жакет из тончайшей шерсти цвета горького шоколада и струящуюся юбку с глубоким, провокационным разрезом от самого бедра.

Инна медленно поднялась с кровати. Ее спина оставалась нестигаемо прямой, подбородок был чуть приподнят — старинная выправка потомственной дворянки, которую не могли сломать ни финансовая пропасть, ни угрозы кредиторов.

— Уберите это, Жанна, — произнесла Инна негромко, но с такой кристальной, звенящей отчетливостью, что ассистент с расстегнутым чехлом невольно замер на месте. — Немедленно выкатите стойки обратно в холл.

Стилистка на секунду опешила, но тут же прищурилась, окинув Инну придирчивым взглядом с макушки до носков старых лоферов:

— Девушка, вы, вероятно, еще не вполне осознаете свой текущий статус в этом доме. Вещи отобраны по прямым личным указаниям Влада Николаевича. Цветовая гамма утверждена им лично. Через сорок минут вы должны предстать перед ним в безупречном виде. В этом... простите, музейном экспонате вас не выпустят даже в коридор.

— Я подписала контракт эксперта по протоколу и кризисным переговорам. — Инна встала между Жанной и открытым чехлом. — В мои обязанности входит невербальный аудит контрагентов, а не демонстрация кутюра на потеху вашему шефу. Мой гардероб соответствует дипломатическому этикету. Покиньте комнату.

Жанна раздраженно цокнула языком и сделала решительный шаг вперед, бесцеремонно протягивая руку к плечу Инны:

— Не устраивайте ненужных сцен, милочка. У меня жесткий минутный тайминг. Раздевайтесь по-хорошему, иначе моим ребятам придется вам помочь...

Она не успела договорить.

Воздух в спальне словно мгновенно сгустился, наливаясь тяжелым, опасным статическим напряжением. В открытом дверном проеме выросла мощная фигура Влада Заславского.

Он стоял, небрежно прислонившись широким плечом к косяку. Белоснежная сорочка из египетского хлопка была расстегнута на две верхние пуговицы, открывая литую шею и край ключицы. Рукава были небрежно закатаны до середины мускулистых предплечий, покрытых темными волосками. Серый жилет безупречно обтягивал торс, подчеркивая сокрушительную ширину плеч и узкую талию. От него веяло ароматом крепкого эспresso, виргинского табака и терпкого сандала — запахом абсолютной, не знающей компромиссов власти.

— Вон, — негромко бросил он, даже не повернув головы к застывшей стилистке.

Жанна побелела, выронила планшет на ковер, подхватила его и задом выскочила в коридор вместе с ассистентами. Створка за ними бесшумно захлопнулась, запечатав комнату.

Влад оторвался от косяка и медленно сделал шаг вперед. Его движения были текучими, мягкими и пугающе бесшумными, как у матерого хищника, вышедшего на тропу охоты. Серые глаза цвета грозовой волны ощупали Инну с леденящей, неспешной уверенностью.

— Бунтуешь, Морозова? — в его низком голосе скользнула бархатистая насмешка. — Еще даже кофе не подали, а ты уже выступаешь за дверь мой персонал.

— Я требую элементарного соблюдения личных границ, Заславский, — Инна не отступила ни на миллиметр, хотя сердце под ребрами пустилось в бешеный пляс. — Вы не имеете права лезть в мой гардероб и указывать, во что мне одеваться.

— В твоём гардеробе нет ничего, кроме нищеты и праха, — он подошел вплотную к деревянному комоду в углу, где аккуратно висел ее запасной жакет, привезенный в дорожной сумке, — старый английский твид бутылочно-зеленого цвета с потертыми кожаными пуговицами.

Влад подцепил жакет двумя пальцами и повернулся к металлической панели в стене — люку скоростного пневматического утилизатора отходов.

Инна похолодела. Кровь отхлынула от ее лица:

— Не смей трогать его! Положи на место! Это подарок отца! Он привез его из Оксфорда на мое совершеннолетие!

— Твой отец был банкротом, Инна. Он оставил восемьдесят пять миллионов долгов и землю, которую Воронов видит под ковшами бульдозеров. А этот хлам пахнет нафталином и кладбищем. Рядом со мной ты не будешь выглядеть просительницей на паперти.

Влад нажал сенсорную панель. Крышка люка скользнула вниз, обнажив темную пасть шахты с тихо гудящей вакуумной тягой.

— Стой! — крикнула Инна и бросилась к нему.

Она забыла про дипломатическую сдержанность, про гордость и расчет. Вся ярость, копившаяся со вчерашнего унижения в кабинете и запертом лифте, взорвалась слепым пламенем. Она врезалась ладонями в его грудь, вцепилась пальцами в ткань жилета, пытаясь оттолкнуть его от стены, вырвать вещь отца.

Под ее пальцами тело Заславского ощущалось монолитным гранитом. Он даже не качнулся. Лишь серые глаза потемнели до черноты, зрачки расширились во всю радужку.

Его пальцы разжались. Зеленый твид с глухим свистящим шорохом втянуло в жерло шахты, и заслонка захлопнулась, запечатав пустоту.

— Будь ты проклят! — выдохнула Инна в самое его лицо, задыхаясь от жгучей боли и ненависти. — Ты бездушный, сытый зверь!

Она замахнулась свободной рукой, чтобы вlepить ему звонкую пощечину, но Влад двинулся быстрее мысли.

Его правая рука метнулась вперед, стальным кольцом сомкнувшись на ее правом запястье поверх платинового браслета. Второе запястье он перехватил левой рукой, скрутил ее руки перед ней и одним мощным, текучим движением развернул спиной к себе. Инна вскрикнула, потеряв равновесие, но Влад не дал ей упасть — он намертво впечатал ее лопатки в свою каменную грудь, зафиксировав ее предплечья скрещенными под ключицами.

Она оказалась в капкане. Затылком ощущала мерный стук его сердца и раскаленное дыхание на виске. Перед ними висело зеркало в пол.

— Смотри на себя, Морозова, — прорычал он ей прямо в ухо. Голос вибрировал так низко и тяжело, что волна дрожи прокатилась по всему ее телу до кончиков пальцев ног. — Смотри внимательно. Ты цепляешься за тряпки покойника, думая, что они спасут твою гордость. Но в том мире, куда я тебя ввожу, никого не волнует твоя гордость. Здесь имеют значение только статус, сила и абсолютное доминирование.

Инна рванулась всем телом, пытаясь вырваться, но Влад лишь крепче сжал предплечья, прижимая ее бедра к своим бедрам. Сквозь плотную ткань брюк она почувствовала железную твердость его мышц и ту сокрушительную первобытную мощь, от которой перехватывало дыхание.

— Пусти... отпусти меня немедленно! — задыхаясь, прошептала она.

— Ты снимешь эту блузку сама, — отчеканил он, и его горячие губы почти коснулись мочки ее уха. — Или я разрежу ее на тебе портновскими ножницами прямо сейчас. Выбирай, княжна. Мое терпение закончилось еще вчера в полночь.

В зеркале их взгляды скрестились. В серых глазах Заславского полыхало такое дикое пламя, что Инна поняла: он сделает это. Если не подчинится, он сорвет ткань без колебаний.

— Отпусти руки, — выдавила она сквозь стиснутые зубы. Ее щеки пылали огнем унижения и бессилия.

Влад медленно разжал пальцы, но не отошел ни на шаг, оставшись стоять вплотную за ее спиной, закрывая собой комнату.

Дрожащими, непослушными пальцами Инна расстегнула мелкие перламутровые пуговицы рубашки. Стянула рукава с плеч и позволила ткани упасть на ковер под ноги. Под блузкой на ней было лишь строгое белье из тонкого бежевого шелка — без кружев и декора, подчеркивающее точеный изгиб талии, хрупкие ключицы и высокую грудь, тяжело вздымающуюся от прерывистого дыхания.

В тишине спальни раздался резкий, тяжелый вдох Заславского.

В зеркале Инна увидела, как изменилось его лицо. Циничная усмешка исчезла без следа. Челюсти сжались так, что на скулах отчетливо проступили желваки. Его взгляд потемнел, медленно скользя по ее обнаженной спине, задерживаясь на каждой ложбинке, на рельефе лопаток, на беззащитной белизне кожи.

Он шагнул к стойке и снял вечернее платье из тяжелого струящегося крепа цвета полуночного сапфира.

Ткань текла в его широких ладонях, словно прохладная ночная вода. Влад подошел к ней сзади и набросил платье на ее плечи. Холодный шелк коснулся разгоряченного тела, вызвав мгновенную волну мурашек. Платье село как вторая кожа: глухой ворот-стойка благородно закрывал шею спереди, но спина оставалась абсолютно обнаженной до самого крестца.

— Стой смирно, — глухо приказал Влад.

Он встал вплотную. Его прохладные, шершавые пальцы коснулись ее поясницы. Инну прошибло током от этого прикосновения. Медленно, с мучительной, расчетливой неторопливостью Влад повел потайную молнию вверх. Его костяшки пальцев скользили по поясничному прогибу, оставляя за собой невидимый след огня. Дыхание Инны перехватило. Зрачки расширились, превратив глаза в два бездонных янтарных омута.

Когда замок с легким щелчком зафиксировался на поясице, Влад не убрал руки. Его широкая ладонь легла на ее обнаженное плечо, пальцы властно сжались:

— Посмотри на себя теперь, Инна, — его голос звучал хрипло и глубоко. — Вот так выглядит женщина, которая говорит от имени Заславского. Ты сводишь с ума. И ты чертовски хорошо это знаешь.

Он наклонился, его губы замерли в миллиметре от венки на ее шее — так близко, что она ощутила жар его дыхания. А затем Влад отстранился, оставив после себя сосущую пустоту.

— Десять минут на туфли и волосы. Я жду тебя на кухне. Опоздаешь на тридцать секунд — потащу за руку босиком.

Глава 6

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. Дверь захлопнулась. Инна прижала ладони к щекам, чувствуя, как внутри бушует пожар, где ярость смешивалась со сладким восторгом.

Стеклянная лестница вела на нижний ярус — в открытое пространство, где гостиная перетекала в сигарную зону и кухню-столовую. Здесь господствовал культ черного гранита, стали и панорамного стекла. Утреннее солнце пробивалось сквозь дымку, заливая лучами пятиметровый остров из антрацитового кварцита с серебристыми прожилками.

Шеф-повар в белоснежном кителе как раз расставлял на полированном камне фарфоровые тарелки под тяжелыми металлическими клоше. Завидев спускающуюся Инну, он почти-тельно склонил голову и неслышно растворился в служебных помещениях.

Инна шла с безупречно прямой спиной, ступая в закрытых кожаных лодочках на невысоком каблуке. Темно-синий шелк платья струился вдоль бедер при каждом шаге, открытая спина холодила от легкого движения воздуха. Волосы она уложила в строгий гладкий узел на затылке, заколов его тонкой серебряной шпилькой с гравировкой родового вензеля Морозовых — одной из немногих фамильных вещей, уцелевших после описи имущества.

Влад Заславский уже сидел во главе острова на высоком барном стуле из черной кожи.

Перед ним стояла крошечная фарфоровая чашка с двойным эспрессо и массивный планшет в матовом титановом корпусе. Он просматривал аналитические сводки биржевых торгов, быстро листая экраны длинным, сильным пальцем. На нем был строгий пиджак от темно-серого костюма с узкими шелковыми лацканами, галстук лежал безукоризненным узлом. Образ ледяного, неумолимого вершителя судеб с Уолл-стрит, привыкшего решать судьбы холдингов одним росчерком пера.

Инна обошла кварцитовый остров по широкой траектории и опустилась на стул у самого противоположного края — на максимальном удалении, которое только позволяла длина столешницы.

Влад не оторвал глаз от экрана, но уголок его губ дрогнул в едва заметной насмешке:

— Ты села в четырех метрах от меня, Морозова. Опасаешься, что я укушу тебя прямо за завтраком?

— Я соблюдаю безопасную санитарную дистанцию от хищников, господин Заславский.

— Инна подвинула к себе чашку, закрепляя занятую позицию. — В дипломатической практике это называется предотвращением эскалации.

— Санитарную? — Влад заблокировал экран. Титановый корпус стукнул о кварцит с сухим, отчетливым звуком. Он повернул голову к ней, и его серые глаза цвета грозовой тучи впились в ее лицо. — Открой клоше и ешь.

— Я не голодна.

— Это был не вопрос и не приглашение к светскому диалогу, Инна. Это приказ.

Инна скрестила руки на груди, демонстративно глядя в панорамное окно на раскинувшийся внизу мегаполис:

— В моем контракте отсутствует пункт о принудительном приеме пищи. Вы наняли советника по протоколу, а не болонку. Если привыкли дрессировать секретарш стейками и бриллиантами, оставьте эти повадки для содержанок.

Влад медленно поднялся со своего места.

Он не делал резких движений, но от самого ощущения того, как его сто девяносто сантиметров роста распрямляются над столом, воздух в столовой словно потерял половину кислорода. Он обошел кварцитовый остров неторопливым, мягким шагом и остановился прямо перед ней. Плотный запах сандала, крепкого кофе и раскаленного металла мгновенно заполнил все личное пространство.

Влад протянул руку и снял тяжелый серебристый клоше с ее тарелки.

На тонком фарфоре дымился воздушный омлет с молодым шпинатом, тонкими ломтиками слабосоленого норвежского лосося и сочной зеленой спаржей. Рядом стоял высокий стакан свежавыжатого сока из сицилийских апельсинов и чашка черного чая с бергамотом — именно такого, какой она любила пить дома, в старой беседке «Белых Вязов».

Инна с трудом подавила внезапный укол удивления. Откуда он знал про чай с бергамотом? Впрочем, служба безопасности Заславского наверняка изучила ее вкусы до мельчайших деталей еще до первой встречи в офисе.

— Пульс на твоём браслете — девяносто два удара в минуту, — негромко произнес Влад, нависая над ней. Его тяжелая ладонь легла на край столешницы в сантиметре от ее бедра. — Температура тела — тридцать шесть и девять. Ты истощена, Морозова. Ты не спала больше суток, а вчера питалась сухим печеньем на вокзале, когда везла свои дурацкие закладные в Сити.

— Это не ваше дело...

— Теперь — исключительно мое. Ты принадлежишь холдингу двадцать четыре на семь. Твое тело, твой мозг и твоя работоспособность оплачены мной по курсу сто двенадцать миллионов четыреста тысяч рублей за полгода. Если ты грохнешься в голодный обморок на закрытом раунде перед министрами и банкирами, деловая пресса напишет, что у Заславского нет средств на питание собственных советников.

Он взял со стола тяжелую серебряную вилку и вложил ее черенок прямо в ее похолодевшие пальцы, плотно сжав ее руку своей горячей ладонью:

— Ешь, Инна. Или я посажу тебя к себе на колени и буду кормить с рук, как упрямого ребенка. И поверь мне, тебе это понравится куда меньше. Хотя... — его взгляд потемнел, скользнув по ее губам, — может быть, и больше.

Электрический импульс пробежал от соприкосновения ладоней к самому низу живота. Инна стиснула зубы. В его голосе не было и тени сомнения. Этот человек действительно был способен поднять ее и заставить проглотить каждый кусок против ее воли.

Она выдернула пальцы из его захвата, не опуская подбородка:

— Я съем этот омлет. Но исключительно ради того, чтобы сохранить ясность рассудка, когда мне придется спасти вас от дипломатической катастрофы.

— Договорились, — Влад выдвинул соседний барный стул и опустился на него в полуметре от нее, развернув мощный корпус в ее сторону. — Я весь внимание. Просвети меня, Морозова, из какой катастрофы ты собираешься меня вытаскивать?

Инна аккуратно отрезала кусочек омлета. Еда оказалась удивительно нежной, ароматной, тающей на языке. Тело, измученное ночным напряжением, с жадностью приняло пищу, и по жилам наконец-то разлилось живительное тепло. Она сделала глоток терпкого чая, промокнула губы салфеткой и повернулась к нему:

— Я изучила список гостей завтрашнего закрытого раунда в клубе «Монте-Кристо», который начальник охраны Артур переслал на терминал в моей спальне. Там сорок восемь человек. Весь высший эшелон девелопмента, Центробанк, три профильных замминистра и... Герман Воронов.

При звуке этой фамилии лицо Влада мгновенно застыло. Серые глаза превратились в узкие щели бойниц.

— Продолжай.

— Воронов возглавляет «Воронов Инвест». — Инна отложила вилку. Теперь он слушал, а она решала, с какого факта начать. — Он агрессивный рейдер, который поднялся в нулевые на силовых захватах складских комплексов и промышленных зон. Но сейчас он пытается легализоваться через крупный государственный подряд. Конкретно — подряд на сочинском портовом терминале. Двадцать миллиардов рублей в составе проекта на сорок пять миллиардов. Финансирование обсуждает синдикат с участием Валиевского банка и сингапурцев.

Влад слушал молча, медленно вращая в пальцах чашку с остывшим эспрессо. В его взгляде мелькнуло редкое, неподдельное уважение.

— И какой вывод делает госпожа эксперт?

— Воронову жизненно необходим этот контракт, чтобы закрыть гигантский кассовый разрыв в своих структурах, — Инна подалась чуть вперед, янтарные глаза зажглись азартом интеллектуальной схватки. — Но у вашего холдинга репутация надежнее, а кредитный рейтинг выше. Воронов не сможет победить в честном конкурсе. Значит, он будет бить по флангам. Он попытается спровоцировать вас на публичный скандал, дискредитировать перед Валиевским и кураторами из правительства. А еще...

Она замолчала, опустив глаза на фарфоровую тарелку.

— Что «еще», Инна? — голос Влада стал глуше, утратив прежние насмешливые ноты.

— За две недели до того, как у отца случился смертельный инфаркт, Воронов лично приезжал в «Белые Вязы», — тихо произнесла она. — Ходил по нашему парку в грязных сапогах, курил вонючие сигариллы и плевал на ступени парадной террасы. Он сказал отцу, что вековые дубы и вязы пойдут под корень под элитный поселок, а в усадебном доме он откроет банный комплекс с бильярдной. Отец выгнал его с ружьем в руках. А ровно через неделю банк внезапно потребовал досрочного погашения всей суммы залладных.

Влад поставил чашку на камень. Челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки:

— Я знаю.

Инна вскинула удивленный взгляд:

— Откуда?

— Думаешь, я выкупил долг твоего отца просто так, Морозова? Потому что мне приглянулась гордая девочка с дипломом МГИМО?

Он пододвинул свой планшет, активировал экран коротким касанием пальца и открыл файл под грифом «Конфиденциально. СБ-01». На экране высветились банковские проводки, записи телефонных переговоров и служебная переписка топ-менеджеров.

— Воронов подкупил председателя кредитного комитета банка, — отчеканил Влад, и в его голосе звенел чистый свинец. — Они готовили искусственное банкротство усадьбы на четверг этой недели. В пятницу земли должны были уйти с молотка за бесценок подставной фирме Воронова. А тебя он планировал выставить на улицу без копейки денег. Или предложить расчет в его загородной спальне.

Холодная волна прокатилась по спине Инны. Пальцы сжались в кулаки:

— Значит... вы знали все с самого начала?

— Моя безопасность перехватила платежки за сорок минут до закрытия банковского дня, — Влад смотрел прямо ей в глаза, и в глубине его серых зрачков полыхала глухая, собственническая ярость. — Я перевел восемьдесят пять миллионов со своего личного счета и переоформил все закладные на себя. Воронов остался ни с чем. Он в бешенстве, Инна. Он потерял не просто землю — он потерял лицо.

— Но зачем это вам? — ее голос дрогнул. — Восемьдесят пять миллионов — огромные деньги. Вы не меценат, Заславский. Вы хищник. Зачем вам спасать меня и «Белые Вязы»?

Влад поднялся, положил тяжелую ладонь на спинку ее стула и склонился к ее лицу так близко, что она снова почувствовала его жар:

— Потому что то, что принадлежит мне, не смеет трогать ни один шакал в этом городе. Завтра вечером Воронов попытается подойти к тебе в клубе. Он захочет проверить, насколько ты мне дорога и можно ли сломать меня через давление на тебя.

Он накрыл ее тонкую кисть своей тяжелой рукой, вдавливая ее ладонь в холодный кварцит:

— Твоя задача на раунде, Морозова — сканировать его нервы. Читать каждый жест, каждую микрожимку, каждое движение зрачков. Когда он начнет блефовать по терминалу, ты дашь мне знак. А моя задача... — пальцы Влада сжались крепче, отдавая в ее кости сладкую, пугающую боль, — следить за тем, чтобы его грязные лапы не посмели коснуться твоей талии. И если он переступит черту хотя бы на миллиметр... я переломлю ему кости прямо перед всем бомондом Москвы.

Инна смотрела на его хищный профиль, на пламя в серых глазах, чувствуя, как рушатся рубежи обороны. Этот человек держал ее в золотой клетке, но прямо сейчас был единственной стеной между ней и пропастью.

Глава 7

Ночь перед закрытым раундом опустилась на столицу тяжелым, беззвездным покрывалом.

Два часа и пятнадцать минут по электронному циферблату на прикроватной тумбочке.

Инна лежала на спине, глядя в темный потолок спальни. Сна не было ни в одном глазу. Воздух в комнате казался сухим и наэлектризованным, несмотря на климат-контроль, работавший в бесшумном режиме. В висках стучала глухая, монотонная дробь: перед глазами безостановочно крутились схемы кредитных линий Воронова, лица финансистов из досье и тяжелый, обжигающий взгляд Заславского у кухонного острова.

«Ты принадлежишь холдингу двадцать четыре на семь... Твое тело, твой мозг оплачены мной».

Слова звенели в ушах, как эхо в пустом колодце. В груди разливалась тянущая, незнакомая жажда, от которой мучительно пересыхало во рту.

Инна сбросила легкое кашемировое одеяло и села на край кровати.

На ней была тонкая темно-синяя шелковая сорочка на узких бретелях. Подол едва доходил до середины бедер, струящаяся ткань льнула к разгоряченному телу, повторяя каждую линию. Она не стала обувать тапочки — ступила босыми ногами на паркет из выбеленного дуба, ощущая приятную древесную прохладу.

В горле саднило. Ей нужен был всего лишь один стакан ледяной воды из бара на нижнем ярусе.

Инна бесшумно приоткрыла дверь спальни. Коридор второго этажа тонул в густом полумраке, лишь вдоль плинтусов горела тусклая янтарная подсветка безопасности. Она неслышно, стараясь не скрипнуть ни единой ступенью, спустилась по стеклянной лестнице в огромную гостиную.

Внизу царила глубокая тишина. Огромный зал казался невесомым: черные ониксовые полы отражали сияние миллиона ночных огней, раскинувшихся за панорамным стеклом на километры вокруг. Москва внизу переливалась рубиновыми реками автотрасс и золотыми созвездиями кварталов, живая и далекая, отделенная от нее нерушимой толщей бронированного триплекса.

Инна подошла к барной стойке, нащупала тяжелый хрустальный графин с водой и налила ее в высокий граненый стакан.

Жадными глотками она осушила его наполовину. Ледяная влага обожгла пищевод, но внутреннего пожара не потушила.

И в этот момент в тишину зала вплелся чужой, глубокий звук. Тяжелый, протяжный выдох.

Инна замерла со стаканом в руке, боясь пошевелиться.

Из приоткрытой стеклянной створки, ведущей на открытую террасу пентхауса, по полу потянуло легким ночным сквозняком. Вместе с прохладой осеннего воздуха в гостиную ворвался терпкий, горьковатый аромат: запах дорогой кубинской сигары, виргинского табака и выдержанного бурбона с нотками жженого дуба.

На пороге террасы возник силуэт.

Инна судорожно втянула воздух сквозь зубы. Это был Влад.

Он был босиком. На нем были только свободные домашние брюки из мягкого черного хлопка, низко сидящие на узких бедрах. Ни рубашки, ни майки.

Лунный свет очерчивал мускулатуру: широкие плечи, бугры грудных мышц, стальной пресс с темной дорожкой волос, уходящей под пояс. На левом плече белел рваный шрам от ножа, ниже ключицы виднелась отметина от пули. Тело бойца, пробивавшего дорогу наверх не в тихих кабинетах, а на залитом кровью бетоне.

В правой руке он держал стакан из толстого стекла с янтарным остатком бурбона, в левой медленно дотлевала тонкая сигара.

Влад замер, увидев ее у стойки. Серые глаза в полумраке блеснули холодным огнем:

— Не спится, советник? — его голос прозвучал низко, с хриплыми, ленивыми обертонами, от которых у Инны по спине пробежали крупные мурашки.

— Я... я просто спустилась за водой, — Инна попыталась сделать голос твердым, но предательская дрожь в связках выдала ее с головой. Она инстинктивно прижала стакан к груди обеими руками, словно пытаясь прикрыться им, как щитом.

Взгляд Влада медленно опустился ниже.

Тончайший шелк сорочки в косых лучах ночной подсветки был практически невесомым. Он отчетливо обрисовывал крутые холмы ее груди, напряженные от ночной прохлады соски, узкую талию и длинные, безупречные линии обнаженных ног.

Влад медленно подошел к мраморной пепельнице на краю стойки, вдавил тлеющий окурок сигары в камень и поставил стакан с бурбоном:

— Воды, говоришь? — он шагнул к ней.

Инна отступила назад. Один шаг. Второй.

— Не подходите, Заславский. Я возвращаюсь в спальню.

— Ты ходишь по моему пентхаусу в два часа ночи практически голая, Морозова, — он продолжал надвигаться на нее — плавно, неотвратимо, с грацией сытого тигра, загоняющего козую в угол скалы. — И требуешь, чтобы я смотрел в другую сторону?

— Это обычная ночная одежда!

— На тебе эта одежда выглядит как прямое объявление войны моим инстинктам.

Инна сделала еще шаг назад, но ее босая пятка наткнулась на стык металлических профилей, а лопатки уперлись в ледяную, монолитную толщу панорамного стекла. Бежать было некуда. Позади лежала двухсотметровая бездна ночной Москвы, впереди высилась живая стена из раскаленных мужских мышц.

Влад подошел вплотную. Его правая рука взметнулась вверх и с глухим стуком уперлась в стекло прямо над ее ухом.

Он наклонился. Жар, исходящий от его обнаженного торса, накрыл Инну удушливой, пьянящей волной. От него пахло дубом, торфом, холодным ночным ветром и чистым, диким огнем. Разница температур сводила с ума: ледяное стекло за спиной и обжигающее пламя перед ней.

— Ну? — прошептал он, нависая над ее лицом. Их губы разделяло от силы пять сантиметров. — Куда делась твоя спесь, княжна? Где твои дипломатические протоколы?

— Заславский... пожалуйста, — выдохнула Инна.

Слово «пожалуйста» сорвалось само, против ее воли. В горле пересохло, сердце колотилось в ребра так яростно, словно его стук разносился по всему огромному залу.

— Пожалуйста — что? — его свободная левая рука медленно поднялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.